

район, поставляющий хлеб в другие республики. Средняя Азия больше не нуждалась в поставке хлеба из других районов СССР.

Был озеленён Самарканд, что привело к сохранению грунтовых вод и нормализации водоснабжения города на ближайшие полвека. Академия организовала в Узбекистане действующие до сих пор свекловичную и агрономическую опытные станции.

Были организованы постоянные курсы по повышению квалификации и переквалификации агрономов Средней Азии. Эти курсы закончили более 2000 человек. Также, благодаря академии, её Самаркандский филиал превратился в самостоятельный институт.

31 мая 1943 года был заслушан доклад прибывших о проделанной в Самарканде работе. Филиал подготовил 203 дипломированных специалиста, и 200 агрономов прошли курсы переподготовки для свекловичных районов.

И всё это было сделано за 1,5 года!

Резэвакуация Академии состоялась в мае 1943 года, хотя часть студентов вернулась в Москву ещё 2 февраля 1942 года. В 1942 году в Москве возобновились занятия, а после резэвакуации учебный процесс был восстановлен в полном объёме.

Библиографический список

1. Выдержка из воспоминаний И.В. Бошко. Материалы Музея Истории МСХА. Дело № 147, т.2

УДК 94(47)

ИСТОРИЧЕСКИЕ АГИТСУДЫ В 1920-Е ГОДЫ

Хвалин Тихон Андреевич, преподаватель кафедры связей с общественностью и речевой коммуникации ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА имен К.А. Тимирязева

Аннотация. В статье рассматриваются функции, сюжетные и организационные особенности проведения исторических агитационных судов в 1920-е годы. Отмечается близость данных судебных инсценировок с другими формами агитационной и политпросветительской работы, применявшимися различными учреждениями в рассматриваемый период.

Ключевые слова: агитсуд, политсуд, коммеморация, политика памяти, агитация, пропаганда.

Исследование такого интересного явления раннесоветской культуры как агитсуды, к сожалению, шло до настоящего времени недостаточно активно. Пока в историографии не сложилось и единой тематической классификации этих судебных инсценировок [1, с.52-53]. Автор единственной на данный момент монографии об агитсудах Э. Вуд разделила агитсуды на политические, литературные, санитарные, агрокультурные,

антирелигиозные и производственные суды [2, р.4-5]. Но, по нашему мнению, как отдельный тип театрализованных судебных инсценировок можно выделить также и исторические агитсуды. Во-первых, потому что в качестве специфического вида агитсудов их выделяли авторы сценариев и инструкций по проведению инсценировок [3, с.70], а во-вторых из-за их специфики, которой и посвящена данная статья. Исторические агитсуды до сих пор рассматривались лишь в статье Т.В. Раевой, в которой она изучила один из сценариев судебной инсценировки, посвященной Первой мировой войне, и отметила коммеморативную функцию, выполнявшуюся некоторыми агитсудами [4]. Однако, привлечение более широкой базы источников может позволить сделать выводы об уникальных особенностях исторических агитсудов по сравнению с другими агитационными судебными инсценировками.

Помимо Первой мировой войны, исторические агитсуды могли быть посвящены основным датам «красного календаря» (9 января, Июльским дням, Октябрьской революции), а также Парижской Коммуне и Гражданской войне [5]. Одним из первых «подсудимых» на агитсудах, которые можно назвать историческими, был к тому времени уже расстрелянный император Николай II. На этих судах зрители из числа жителей ДВР как бы санкционировали уже состоявшееся применение к отрекшемуся царю смертной казни [6, с.209]. Бывшие ранее политически актуальными и злободневными агитсуды над лидерами Белого движения после окончания Гражданской войны приобрели исторический характер и ставились, например, в канун годовщины Октябрьской революции, превращаясь из формы военной пропаганды в инструмент государственной политики памяти и элемент новой советской праздничной культуры [7, с.146-148].

Стороны «добра» и «зла» на исторических судах были разделены не только вербально, но и визуально. Классовая принадлежность, а вместе с ней и характер персонажа, часто обозначалась через костюм. Положительные персонажи, рабочие и крестьяне были одеты бедно, а на помещиках, офицерах, меньшевиках и социал-демократах были фраки, сюртуки, расшитые золотом погоны, иногда специально выполненные в шаржевом стиле [4, с.11-12; 8, с.24]. Как и в других агитсудах, четкая полярность двух сторон «судебного» противостояния, лишь обострявшаяся по ходу развития театрализованного действия, приводила к тому, что защитник/адвокат в процессе инсценировки исторического агитсуда фактически превращался либо в еще одного обвиняемого, либо во второго прокурора [9, с.46-57]. Разделение второстепенных персонажей на свидетелей обвинения и защиты также носило классовый, политический характер [8, с.29-30]. Далеко не всегда в исторических агитсудах был персонализированный потерпевший, роль которого играл актер, чаще всего он отсутствовал, а потерпевшими считались все рабочие и/или трудовое крестьянство в своей массе [10, с.106]. Необязательным на судебной инсценировке было и присутствие обвиняемого, особенно если на «скамье подсудимых» должен был предстать уже умерший исторический деятель [9]. В отличие, например, от агросудов [11], роль эксперта была нечастой в исторических агитсудах, но если она и встречалась в сценариях, то правом «верной» оценки прошлого наделялся

представитель РКП(б) или Коминтерна, а не профессиональный историк [8, с.13].

Авторы сценариев сознательно акцентировали внимание на желательности выступления настоящих участников или очевидцев исторических событий в качестве «свидетелей» [9, с.7]. В таком случае агитсуд становился уже ближе не к самодеятельному театру, а к другому распространенному в то время «клубному» жанру – вечеру воспоминаний. Даже уже изданные сценарии инсценировок могли опираться на настоящие воспоминания очевидцев, прозвучавшие на одном из агитсудов [9, с.3]. Безусловно, эти воспоминания были обработаны редактором, да и сами по себе носили заведомо пробольшевистский характер, но все же и другая «враждебная» версия или версии отдельных происходивших событий или истории в целом не изгонялись и табуировались, а скорее побеждались, и отчасти высмеивались в процессе агитсуда. Однако, вербализация при проведении инсценировки «живых» воспоминаний непосредственных участников событий или их записанных реплик в заранее подготовленном сценарии не исключала, а дополняла официальный большевистский исторический нарратив. В исторических агитсудах «лекционная» часть была представлена в виде идущего в самом начале инсценировки «обвинительного заключения» и/или речи прокурора/обвинителя.

Методическая литература рекомендовала непосредственным организаторам агитсудов использовать при подготовке к ним исторические статьи, документы, опубликованные мемуары и воспоминания, в том числе и политических противников большевиков [8, с.45-47; 12, с.21-23]. Отдельные исторические материалы могли использоваться непосредственно в ходе проведения инсценировки в качестве «вещественных доказательств» [10, с.122-123]. По замыслу вышестоящих культработников «педагогическая» роль данных агитсудов была двоякой, сначала познакомиться с новой для себя информацией и документами должны были организаторы суда, а впоследствии, уже они, оттачивая свое ораторское мастерство, должны были донести полученные знания до зрителей [10, с.97].

Тем удивительнее другая выявленная нами тенденция данной разновидности агитсудов – большое количество фактических ошибок, которые касались в основном возраста, вероисповедания, происхождения и отдельных деталей биографий «отрицательных» исторических персонажей [13, с.18-22; 29-32], но встречались даже в фамилиях действующих лиц, перепроверить которые было нетрудно. Так, например, в агитсуде, посвященном достаточно известному событию – Ленскому расстрелу, главного обвиняемого называли ротмистром Терещенко (настоящее имя – Н.В. Трещенков) [14, с.60-66]. По всей видимости, такое обилие неточностей может быть объяснено отсутствием интереса у авторов сценариев, режиссеров и актеров инсценировок к реальным подробностям биографий своих «классовых противников», это способствовало превращению фигур вполне конкретных исторических деятелей в определенные стереотипные социальные маски.

В зависимости от целей и желания организаторов исторические агитсуды могли в разных пропорциях сочетать в себе элементы лекции,

театрального представления и вечера воспоминаний. Функции, выполнявшиеся данными инсценировками, были достаточно разнообразными и их нельзя сводить исключительно к агитации или пропаганде, среди них можно выделить также: образовательную, коммеморативную и рекреационную. Специфика подготовки, проведения и функционального использования судебных инсценировок с исторической тематикой позволяют выделить их в качестве особого вида агитсудов.

Библиографический список

1. Гуськов, Н.А. От карнавала к канону: Русская советская комедия 1920-х годов / Н. А. Гуськов; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – 211 с.
2. Elizabeth, A. Wood. Performing Justice: Agitation trials in Early Soviet Russia / Elizabeth A. Wood. – Ithaca; London: Cornell university press, 2005. – 301 p.
3. Орлинский, А.Г. Агитсуд / А.Г. Орлинский // Клубные художественные кружки (художественная работа в клубе). Сборник методических статей в помощь клубным работникам – М., 1925. – С.67-82.
4. Раева, Т.В. Меморизация Первой мировой войны в СССР: «Агитсуд» как способ формирования памяти/ Раева Т.В. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Социально-гуманитарные науки. – 2014. – Том 14. – № 3. – С. 11-13.
5. Три приговора (суд над виновниками войны) // Власть труда. – 1924. – № 185. – С. 2.
6. Иванов, А.С. «Агитсуды» в Дальневосточной республике / А.С.Иванов // Вопросы истории. – №8. – С. 207-210.
7. Устинов, И.В. Праздник Октябрьской революции в школе / Лебедев А.М.–М.: Изд-во Думова, 1924. – 184 с.
8. Орлинский, А.Г. 1905 год в политсудах / Орлинский А.Г.– М.: Долой неграмотность – 1925.– 48 с.
9. Суд над Зубатовым и Гапоном / В.Ф.Плетнев. – М.: Всерос. пролеткульт, 1925. – 98 с.
10. Долинский, С. «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 г. К двадцатилетию революции 1905 г. Пособие для рабочих, комсомольских и школьных клубов / МК РЛКСМ – М.: Новая Москва, 1925. – 226 с.
11. Хвалин, Т.А. Агросуды в 1920-1930-е годы XX век: почему свинья, бык и трактор оказались на «скамье подсудимых»? / Т.А. Хвалин // Доклады ТСХА.– Вып. 291. – Ч.1. – М. – 2019. – С. 321-325.
12. Щелканов, П. 9 января 1905 года в клубе/ П. Щелканов // Рабочий клуб. –1924. –№ 1. – С. 21-23.
13. Суд беспартийных рабочих и крестьян над Красной армией – М.: Красная Новь, 1923. – 52 с.
14. Застенкер, Н., Рубинштейн Н. Политсуд над ротмистром Терещенко / Н. Застенкер, Н. Рубинштейн // Ленский расстрел 4-17 апреля 1912 г. –Иваново-Вознесенск, 1924 г. – С. 60-66.